

Валерий ИВАНЧЕНКО

БУДУЩЕЕ В ГОЛОВАХ*Типология заказного рассказа*

Два тематических сборника, выйдя в разных издательствах с разницей в год, имеют одинаковый формат, объем (в каждом по тринадцать рассказов), похожее оформление и даже некоторых общих авторов¹. Главное же, их объединяет одна идея: популярным современным прозаикам предложено изобразить свою версию будущего.

Да, концепции несколько отличаются. Первая книга уже в заглавии обещает пессимистический взгляд в тревожное завтра. В предисловии второй составитель объясняет, что представления о грядущем все время меняются, нынче мы его видим не так, как вчера, и очень интересно увидеть наинovelейшие версии. Но, несмотря на предуведомления, различия в содержании сборников минимальны. Их авторы не спешат буквально следовать техническому заданию. В антиутопиях немало оптимистического, а новые взгляды и подходы перемежаются самыми что ни на есть традиционными и замшелыми. Да и типовой набор подходов в обоих сборниках одинаковый. Одни авторы отделяются необязательными юморесками и наскоро придуманными сюжетными зарисовками, другие ищут что-нибудь подходящее в своих закромах, третьи напрягаются и пробуют со всей ответственностью выполнить требования заказчика, выдавая штучный товар.

Оригинальнее всех поступил Андрей Рубанов, сочинив научно-фантастический очерк «Выход в деньги», стилизованный под историческое исследование (именно им открывается сборник «Время вышло»). Вспомнив финансовые увлечения молодости, Рубанов решил придумать новую экономику и начал с изложения биографии математика Иванова, родившегося в 2006 году в Горно-Алтайске и предсказавшего войну искусственных интеллектов, разразившуюся в 2033 году. Война длилась три секунды, за которые ведущие ИИ мировых держав уничтожили друг друга, стерев заодно абсолютно все цифровые базы данных планеты. Тут-то и пригодилась концепция «умных денег», которую Иванов разработал еще в конце 20-х годов. Запущенная после войны мировая

¹ Время вышло. Современная русская антиутопия [рассказы]. — М.: Альпина нон-фикшн, 2022. — 280 с. и Новое будущее / составитель Сергей Шикарев. — Москва: Эксмо, 2023. — 352 с.

валюта под названием «азио» получила собственный электронный разум, а главное — она обнулялась в конце каждого года, а значит, до первого января все накопления необходимо потратить. К тому же такие деньги невозможно украсть. Далее автор скупыми чертами рисует процветание нового мира, управляемого мыслящими деньгами, девизом которого стали слова Василия Шукшина: «Бедным быть не стыдно, стыдно быть дешевым».

Следующими в сборнике стоят рассказы Сергея Шаргунова и Германа Садулаева, контрастирующие с изящной работой Рубанова некоторой прямолинейностью. У Шаргунова мир поразила эпидемия ускоренного старения, двадцать пять лет — уже глубокая старость. Результатом стала нарастающая анархия и человеческое озверение. Редкие долгожители вызывают у людей-бабочек ненависть. Автор раскрывает все эти моменты в короткой семейной сцене, написанной в его обычной манере.

Рассказ Садулаева тоже характерен для автора — речь в нем идет о революции. Примечательно, что центральной фигурой будущего восстания масс стал советский писатель Самохин. По Садулаеву, жил он не в Новосибирске, а в Красноярске, и звали его не Николаем, а Костей, но в остальном биография та же, включая обстоятельства смерти. В новом веке творчество Самохина запрещено, и вокруг него сложился тайный культ, возникло подпольное движение, возглавляемое внучкой писателя. («Самохин» переводится с санскрита как «собирающий иллюзии», — объясняет внучка неопиту. — Я наследница, во мне дух и тело Самохина.) Нельзя не вспомнить елизаровского «Библиотекаря», хотя механизм действия советских книг здесь описывается туманнее. Дескать, в каждом тексте автора есть «двойное дно». «Мир шит белыми нитками... Но есть другое. И нам надо туда». «Истинный марксист Самохин провозгласил, что жизнь пролетария в майя-сансаре не имеет никакой цены». В финале повстанцы уничтожают Москву ракетным залпом. Автор ясно и даже самопародийно виден в этом легко написанном, вдохновенном рассказе — со всем его садулаевским коммунизмом, ведантизмом, нонконформизмом.

Эдуард Веркин отметился в обоих сборниках и в обоих случаях показал себя перфекционистом, точно выполняя заказ. Просили антиутопию — получите. Описываемый мир полон впечатляющих деталей и крайне неприятен, это мир социальной сегрегации и массовой безработицы. Персонаж рассказа имеет неплохо оплачиваемую должность, о сути которой до срока умалчивается, но, как и все, он подвергается ежедневным мучениям по дороге на службу и обратно. Чтобы спуститься по обледенелым ступенькам, надо нанимать помощника-лестничного, чтобы пробиться сквозь толпу на вокзал и не быть задавленным — платить трем проводникам в специальном снаряжении (старшине-кольщику, олежке и кормачу). Одно только описание путешествия через привокзальную площадь занимает несколько страниц. В конце концов, выясняется, что работа персонажа — развлекать домашних питомцев в домах богатых господ. Играть им на рояле, стойчески переносить

раны от их зубов и когтей, терпеть придирки старшей прислуги. Рассказ чрезвычайно подробен, мастерски написан, читать его мучительно. Совершенно ясно, что Веркин испытывал еще большие страдания, совершая этот немного бессмысленный, но очевидный авторский подвиг на пятьдесят пять страниц.

Александр Иличевский представлен бессюжетным лирическим этюдом, выполненным в самой типической для него манере тонкого интеллектуала-космополита. Ради соответствия предъявленным условиям он предварил свою акварельную безделицу беглым обзором приходящих времен: «в сущности, вокруг процветали посильное рабство и эластичный тоталитаризм». Есть и никак не влияющее на сюжет допущение — персонаж сдал часть мощностей своего мозга в аренду вычислительной корпорации. Подобные мотивы не редкость для этого автора-математика.

Самым ловким образом вышел из положения Александр Снегирев. Его четырехстраничная миниатюра рассказывает о бывшей провинциальной жительнице, приноровившейся гноить на московском балконе компост, выращивать помидоры и лук. Поначалу ее сын страдает от заполонивших квартиру банок с соленьями, но скоро ему объясняют, что мать — человек будущего, проводник современных экологических веяний. Нельзя не отметить автора специальным призом за сообразительность и лаконизм.

Александр Пелевин (по прозвищу Младший) известен стремлением изображать из себя серьезного писателя и даже преуспел в этом деле три года назад, получив последнюю в истории премию «Национальный бестселлер». Однако в сборнике «Время вышло» он выступил в самом естественном для себя амплуа комика, выдав веселый абсурдистский прогон, из тех, что подвыпившие мастера КВН могут гнать бесконечно. Получилось довольно гладко (его романы сделаны куда топорнее). В тексте есть порабощение Земли неведомыми пришельцами, агенты разумных грибов и персонаж по фамилии Енотов, решающий вопрос «Тварь я дрожащая или право имею?». Есть дежурное издевательство над бардами и уничтожение планеты Жирными Котами (подлинными хозяевами нашего сегмента Галактики). Это забавное чтение, и надо отметить, что сам автор вне игры с амбициями кажется симпатичнее.

Алексей Сальников, как и Веркин, участвует в обоих проектах и открывает в каждом из них неожиданную грань таланта. Если свои четыре романа он писал в основном скучновато, без огонька, то здесь вдруг оборачивается автором остроумным, умеющим зажечь не на шутку. Его «Кадрили» из сборника антиутопий — это разнузданный микст зощенковского фельетона, футурологии Пелевина-старшего и пародии на обзоры журнала «Афиша». Рассказано там о перипетиях судьбы видного блогера и деятеля сериалостроения, отвечающего за соответствие продукции ветреной моде. («Кадрили» — это и есть сериалы будущего.) Уследить, а главное — предсказать, что будет пользоваться успехом у зрителей, — дело нелегкое. Сегодня все угорают по вампирам, завтра по динозаврам,

послезавтра — по маньякам. После ряда профессиональных провалов персонажу пришлось записаться в неблагонадежные граждане, и вот там-то удача ему поперла. Сумел показать себя довольно мощным бунтовщиком, получил от властей статус иконы бунта. «Спасибки, — говорит он, — не ожидал, что так выгодно побунтую».

Зато Дмитрию Захарову удивлять читателя нечем, он антиутопии пишет всю свою писательскую жизнь и другого ничего не умеет. В рассказе «Сучий потрох» — о жизни криминальных корреспондентов — все та же его извечная злоба на окружающую действительность и тот же корявый, невозможный язык, должный обозначать вроде бы профессиональный жаргон: «опера бабятся, источники ссутся даже под эмбарго, в общем, ... плюшевая». Фабула рассказа придумана без затей. На этот раз мерзость российской власти дошла до запрета крупных собак, которых разрешено изымать у хозяев и уничтожать неким общественникам. Разумеется, есть и движение сопротивления, которое уже самих этих общественников показательно потрошит. Что ж. Особенность мировоззрения автора состоит в том, что он не имеет никакого представления о реальном устройстве гражданского общества страны проживания, но зато свято верит в собственные фантазии и безумные заблуждения своего круга.

Писатель Ксения Букша, еще, кажется, не объявленная официально иноагентом, но делающая для этого все возможное, поступила и на сей раз как смогла экстремально — сочинила бессмысленный, но легко читаемый текст на гуманные восемь страниц. Это как бы выдержки из сюрреалистических инструкций безумного бюрократа, начинающиеся с пункта «гаджетом считается все, у чего есть хотя бы тачскрин, за исключением человека с тачскрином на лбу» и заканчивающиеся утверждением «молоко не является гаджетом, молоко имеет смысл».

Вадим Панов выступает в этом сборнике от лица конвенциональных форматных фантастов, однако, сознавая ответственность миссии представлять цех в именитой компании, постарался выбрать из своих заготовок самую неформатную и сложно устроенную. Мы видим мир, обозримая территория которого поделена между всемогущими богами, своей волей и мановением рук управляющими как физическими стихиями, так и безропотными подданными. Сюжет в том, что невесть откуда появляется неподвластное им существо в образе девушки. Позже читатель начинает догадываться, что боги — это достигшие бессмертия и овладевшие нанотехнологиями олигархи прошлого. Рассказ сделан по-восточному пафосно, цветисто, он льстит читателю, позволяя тому проявить проницательность. Правда, в конце выясняется, что девушка-то и есть настоящий бог, время от времени лично убивающий самозванцев. Неожиданный ход, что и говорить.

Два последних текста написаны авторами с активной политической позицией и сходны двумя свойствами: лишенной индивидуальных черт профессиональной гладкописью и resentmentом в отношении отечественного жизнеустройства. Оба текста гротескны,

но глубиной и смелостью различаются. Алиса Ганиева ничего нового не рассказывает — ее фельетон о тотальном контроле человека обязательными соцсетями получился плоским, хохмы и преувеличения лежат на поверхности. Даже финал, в котором персонажу отказано в регистрации и росгвардейцы тащат его в кутузку, выходит банальным — такое возможно сегодня в любой стране мира, причем в нашей в последнюю очередь. Другое дело — рассказ Дениса Драгунского, сюжет которого не столь зауряден. Драгунский не выступает против несменяемости власти и не зовет к переменам, он считает, что в России всегда будет только хуже. Новая Честная Власть, свергнув Антинародный режим, люстрирует всех, кто ему служил, — кого вешает, кого бросает в лагеря, а самых безобидных ссылает в глушь на СЖ (вести Скромную Жизнь). В глуши же вообще никакой власти нет. Там местные жители вместе с ссыльными предаются грабежам и насилию.

Итак, подведем итоги. В тринадцати рассказах сборника мы находим: одну экономическую утопию (Рубанов), две социальные антиутопии (Шаргунов, Садулаев), два сатирических предупреждения, доводящих до предела некие наблюдаемые тенденции (Веркин и Сальников), один рассказ в жанре фэнтези (Панов), три признания в ненависти к устройству страны (Захаров, Ганиева, Драгунский) и несколько самопрезентаций, ни на что большее не претендующих (Иличевский, Снегирев, Пелевин и Букша). Таков расклад среди писателей, представляющих сегодня мейнстрим.

Сборник «Новое будущее» отличается тем, что его авторы менее склонны подчеркивать свою уникальность и больше расположены к развитию фантастических допущений (то есть не новички в жанре). Последнее обстоятельство приводит к тому, что некоторые даже не стремятся наладить контакт с широким читателем, обращаясь к специально воспитанной для их понимания аудитории. Еще одна особенность сборника — авторов легко разделить на поколения, не только по возрасту, но и по качеству полученного результата. Молодые пишут старательно, а читать их трудно из-за сложности формы, обусловленной стремлением произвести впечатление, скрыть неискушенность в писательском деле, и главное — неясно, зачем их читать, ведь за путаной формой скрыто примитивное содержание. Им нечего нам сказать, они сами с собой, друг с другом, делятся какими-то только их собственному кругу интересными открытиями. Для опытных читателей их творчество представляется наивным, их находки — туманными и по большому счету бессмысленными. Другое дело — старики. Они могут работать «на отвяжись», производить халтуру, но из текстов хотя бы понятно, как и зачем они сделаны.

Начнем с молодежи. Вот рассказ Артема Хлебникова, устроенный в виде сообщений некоего интернет-чата, посвященного японской поп-музыке 80-х годов. Участники рассказывают, как на них буквально физически действует некая таинственная песня, а потом один за другим навсегда покидают чат. Здесь не сложно увидеть осовремененную

модификацию японо-американской франшизы «Звонок». А вот рассказ Ольги Брейнингер — эзотерическая дневниковая переключка двух подруг по переписке. В глубинах тайного интернета они пытаются найти легендарную точку, в которой «смерть отменит жизнь, а жизнь будет бесконечно отменять смерть». «Настя существовала в мире и не существовала, была здесь и нигде, была человек и была мысль...» Ну детский сад ведь, подготовительная группа. Но это такой особенный жанр — о тайнах сети, называется «крипипаста», молодым нравится. Литература будущего, говорят.

Другая молодежная крайность — подражание разным случайно подсмотренным образцам жанра, которые нетронутый культурой ум принимает за нечто восхитительно новое. Длинный рассказ Константина Куприянова «День Рэндала» представляет собой мешанину нуара, постапокалипсиса, психоделики и научно-фантастических идей эпохи, самое позднее, 90-х годов. Ладно бы автор проявил какое-то остроумие, но он пишет нудно, тяжело и вряд ли сам до конца понимает, что происходит в его творении. После него с удовольствием читаешь даже мрачное произведение Дениса Дробышева «Будь ты проклят, Марс!», которое тоже насквозь вторично, но хотя бы ясно по форме и содержанию. В нем жителям России, прозябающим в ужасных условиях, обещают за особые заслуги переселение на цветущий Марс. Однако никакого Марса нет, а «переселенцев» просто потихоньку утилизируют.

Лучшим рассказом сборника в номинации «подражание образцам» следует назвать текст «На грани» авторства Сергея Жигарева. Это герметический детектив с регулярно убывающими персонажами в антураже марсианской станции. Он наполнен грамотными отсылками к первоисточникам и недурно написан.

К условно молодым авторам можно отнести Рагима Джафарова, лауреата премии «Новые горизонты» 2021 года. Его «Освобождение» рассказывает о мире без смерти. Умирать здесь запрещено, тебя воскресят при любых увечьях, поэтому вместо религии у бессмертных психотерапия. Говорить о праве человека на смерть — государственное преступление, но тайной наградой для самых достойных служит капсула с ядом. Джафаров имеет репутацию человека, разбирающегося в психологии, но его уверенно написанный (хотя и скучноватый в силу своей предсказуемости) текст совсем не убеждает в психологических компетенциях автора. Очень уж он облегчает себе работу, слишком уж недалеко его персонажи.

Какие представления о будущем открывают нам эти молодежные тексты? О том, что скоро даже смерти не будет, одна психотерапия. Или о том, что будет один сплошной интернет. Что все станет так, как написано в старых фантастических книгах. Или о том, что Россия — очень плохая страна. Ничего не скажешь, поразительные открытия.

Творчество стариков в «Новом времени» включает в себя как старые заготовки, так и новые хохмы, есть в нем и движение по легкому пути, и решение сложных задач, но представления о грядущем у ветеранов куда сложнее и парадоксальнее, нежели у молодых.

Персонаж Олега Овчинникова попадает в руки дельцов, гарантирующих моментальное излечение от пристрастия к алкоголю. Они дают своим клиентам попробовать некий настолько очищающий мозги напиток, что больше уже ничего не хочется, кроме как глотнуть его еще раз. Но вкусить снова можно только через год, да и то — если год не будешь бухать, соберешь денег и приведешь новых клиентов. То есть будущее за препаратами и сетевым маркетингом.

У Белоброва-Попова Луну превратили в свалку, куда вывозят мусор со всей Земли. Потерпевший аварию космонавт-мусоровоз бродит по этой свалке и знакомится с лунными бомжами, которые оказываются борцами за справедливость. Они принимают мусорщика в свою тайную организацию и теперь он отвозит мусор обратно на Землю. Значит, в будущем будет такой же идиотизм, как сейчас, только космический.

Вообще старики-фантасты склонны саркастически брюзжать и доказывать, что новые веяния не доведут до добра. В рассказе Михаила Гаёхо люди подчинены навигаторам в телефонах, те не только подсказывают дорогу, но и командуют всеми жизненными отправлениями. Впрочем, они только часть машинного интеллекта, который сам со всем на планете прекрасно справляется, но у него еще есть задача чем-то занять людей, чтобы не чувствовали себя лишними.

Обращенность в прошлое и недоверие к будущему особенно ясно видны у Владимира Березина, изобразившего альтернативно-исторический мир, в котором Россия — католическая страна с латинским алфавитом. Герои-школьники расследуют тайны и недомолвки взрослых и открывают, что так было не всегда, что прошлое переписано.

Какими бы дурачками ни выглядели их фабулы в пересказе, но «стариковские рассказы» (самый молодой автор Олег Овчинников только разменял шестой десяток) имеют в моих глазах огромное преимущество: они душевно написаны, то есть опираются на массив лично пережитого и осмысленного многими. Не знаю, ценит ли такое качество молодежь, гоняющаяся за оригинальностью.

Наиболее ответственно подошел к решению задачи Шамиль Идиатуллин. Он придумал будущее, какое никому еще в голову не приходило. Рассказ ведется от лица подростка, который очень и очень занят, так как управляет массой логистически сложных процессов, исправляя в режиме цейтнота возникающие факаты, и скоро выясняется, что его деятельность не компьютерная игра, а реальная производственная и хозяйственная работа. Притом рассказчик повторяет, что работа эта последняя, и скоро он навсегда выйдет в отставку, потому что ему уже скоро шестнадцать. Фабула не связана с ускоренным старением (как у Шаргунова), просто в мире Идиатуллина взрослых не подпускают ни к чему сложнее бытовых приборов, их удел — радоваться жизни и развлекаться. Идея кажется абсурдной, но автор обосновывает ее жизнеспособность как может, а поскольку производственная проза — его конек, в целом получается убедительно. Да, служить обществу здесь положено в юности, пока не закостенели мозги, а дальше — делай что хочешь, только не мешай

трудящейся молодежи. Автор даже находит место для традиционной (в литературной утопии) лекции, в которой устройство процветающего социума обрастает необходимыми подробностями. Остается важный вопрос: каким же образом произошел переход к такому укладу? И вот эту интригу автор делает несущим элементом своей истории. Обычно Идиатуллин склонен к ломаному (якобы естественному) языку и околичностям. Здесь — ничего подобного. «Это наша работа» — продуманный, стройный рассказ, написанный хоть и от первого лица, но чисто и ясно. Классический образец жанра.

Сальников в «Новом будущем» будто бы опять валяет дурака, и сначала это кажется смешным, но потом проникаешься нарисованной им картиной, от которой захватывает дух. На первый взгляд речь здесь идет о простых наших людях (которые еще и живут в коммуналке с общей кухней), только мозги им слегка проапгрейдили, так что стали доступны разные удобные функции: можно на ходу менять профили (субличности — бытовую, рабочую, дружескую, для флирта), или заархивировать ненужное, или отправить свое настоящее «я» на хранение в облако. На последнем и погорел персонаж рассказа «Субчик», у которого пропала сначала отдельно хранимая основная личность (вместе с уничтоженным огнем дата-центром), а потом и ее резервная копия. Бывшая жена предлагает завалывшийся у нее вариант, который она тайком сохранила, но персонаж сомневается — уж больно много было в той конфигурации всяких страданий. Проблема! Скоро, правда, выясняется, что тут не только бытовой киберпанк, но и русский народный трансгуманизм, потому что персонажи у Сальникова не просто люди, а какие-то уже сверхчеловеки, и дети у них с супервозможностями, и живут они не на Земле, а захватывают в космосе планету за планетой, сражаясь с космическими врагами. Но все эти обстоятельства мало существенны и остаются на заднем плане, поскольку главное для них по-прежнему — пустяковые переживания и личные проблемы, которые никакими цифровыми манипуляциями не решишь. Такой вот добрый рассказ про грозное будущее.

Закрывающая сборник повесть Эдуарда Веркина «Крылья» написана вызывающе старомодно. Это фантастика о тайнах устройства Вселенной и романтике научного поиска с отчетливым духом начала шестидесятых годов. Сюжет выстроен вокруг новейшего течения мысли, способного открыть перед человечеством невиданные перспективы и в то же время опасного для основ мироздания. Уже много лет готовится глобальный эксперимент, должный либо поставить точку на этом направлении, либо открыть доступ ко всему космосу, однако новое осознание исходящей от эксперимента угрозы может привести к его запрету и к остановке работ. На этом философско-производственном конфликте основана драматургия рассказа, весьма минималистичного — он, в сущности, состоит из трех сцен с диалогами и фрагмента неких записок. Сама тематика, идея новой науки, продумана автором глубоко — это не первое его произведение о синхронистике и «потоке Юнга». Но фантастические идеи не главное, они лишь повод для

размышлений о возможностях познания и роли человека мира, в которых Веркин не только умело интригует читателя, но и поднимается до настоящей поэзии.

Очевидно, что три последних шедевра тоже обращены в минувшее. Утопия Идиатуллина с витающим над ней призраком вывернутой особым образом армейской дедовщины имеет прямо-таки античные черты. Детская фантазия Сальникова о сверхлюдях смешана с впечатлениями начинающего компьютерного пользователя. «Крылья» Веркина, начавшись как бодрая шестидесятническая НФ, под конец скатываются в какую-то ренессансную духовную алхимию, если не в оккультизм.

Будущего нет — вот главный вывод, который мы можем сделать, прочитав все двадцать шесть рассказов. Оно настолько темно, что, обращая к нему взгляд, мы видим лишь проекции своего прошлого.

Другое обобщение можно сделать, изучая типологию авторских ответов на предложение составителей (практика подобных тематических антологий в последнее десятилетие стала распространенной). Редко кто пользуется таким вызовом как возможностью создать нечто новое и значительное. Задача большинства участников — не обидеть организаторов отказом (другой раз могут не предложить) и не дать читателям забыть о себе. Впрочем, и сам я написал этот обзор ровно по этим же причинам.

